

УДК 342.9

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

© 2019 г.

А.В. Палатин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

anpal2004@mail.ru

Поступила в редакцию 30.05.2019

С теоретической и практической точек зрения исследуется вопрос соблюдения прав физических и юридических лиц при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Приводится обоснование того, что институт административно-правовой реабилитации складывается из совокупности действий, направленных на восстановление невиновного лица в нарушенных правах и возмещение причиненного вреда.

Ключевые слова: соблюдение прав юридических и физических лиц, ответственность государства, реабилитация, привлечение к административной ответственности, возмещение вреда.

В последнее время все большую значимость приобретают вопросы обеспечения прав и свобод человека и правовой ответственности государства перед своими гражданами.

Жизнь показывает, что люди и организации нередко оказываются жертвами незаконного или необоснованного, умышленного или ошибочного обвинения в совершении правонарушения. И государство должно быть максимально озабочено быстрым и адекватным устранением вредных последствий таких обвинений.

Именно защита основных прав, свобод и интересов граждан, а также их признание и соблюдение всеми органами государственной власти и составляют фундаментальную основу конституционного строя.

Автор придерживается мнения, высказанного А.Д. Гуляковым и А.А. Яшиной, о том, что возмещение вреда, причиненного государством, является элементом института реабилитации, а сама реабилитация – это обеспеченное государством восстановление социального, правового, имущественного и морального статуса человека и гражданина в связи с признанием действий (бездействия) органов публичной власти, в т.ч. уголовного или административного преследования, незаконными или необоснованными [1].

В науке существуют разные определения понятия «реабилитация», но все авторы едины в том, что реабилитация представляет собой гарантию защиты конституционных прав и свобод лиц.

Большинство современных конституций стран Европы, Дальнего Востока и СНГ содер-

жат нормы по возмещению вреда и восстановлению правового положения человека, нарушенного государством. Реабилитацию закрепляют основные законы Албании, Вьетнама, Гватемалы и Гондураса [2].

В настоящее время правовая концепция «реабилитации» в значительной степени разработана в науке уголовного процесса. При этом в административном праве она не находит прямого выражения, а представлена отдельными положениями, носящими фрагментарный характер и преследующими цель возмещения причиненного лицу вреда, если такой вред имел место при осуществлении правосудия и реализации некоторых процессуальных процедур.

Основополагающие нормы отечественного института реабилитации содержатся в ст. 53 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [3].

Необходимость правовой регламентации отношений в сфере реабилитации физических и юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности, признана и положениями международно-правовых актов [4–7].

Таким образом, поскольку из положений ст. 22 во взаимосвязи со ст. 2, ч. 1 и 4 ст. 15, ч. 1 и 2 ст. 17, ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 19, ст. 21 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а также п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее официальном истолковании Европейским судом по правам человека следует, что

право на свободу и личную неприкосновенность может быть ограничено лишь при соблюдении общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не допустить утраты самого существа данного права, в исключительных случаях принудительные меры, обеспечивающие производство по делам об административных правонарушениях (поскольку они связаны с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность), не могут применяться в противоречии с указанными предписаниями [8].

В конституционном праве – ведущей отрасли российского права институт реабилитации рассматривается как единое государственное или конституционно-правовое явление, направляющее развитие отраслевых ее разновидностей.

По мнению Л.В. Бойцовой, институт реабилитации – это «материально-процессуальное образование, предназначенное обеспечить защиту совокупности разнообразных нарушенных прав реабилитанта в интересах всего общества и государства». Л.В. Бойцова считает, что отношения по вопросам реабилитации должны исследоваться на «конституционно-правовом уровне, что позволяет отказаться от механического перенесения положений гражданского права в область публичного и осознать не только компенсационные, но и более широкие юридические, социальные, политические, нравственные цели ответственности государства, поставить проблему на уровень публичной политики власти» [9].

А.П. Гуляевым высказано мнение, что реабилитация – это способ возмещения вреда или же его разновидность, составная часть института возмещения вреда [10].

И.А. Андреева утверждает, что возмещение вреда в виде реабилитации является субинститутом конституционно-правового института возмещения вреда. И все присущие институту реабилитации способы относятся к способам возмещения вреда [11].

А.Д. Гуляков и А.А. Яшина полагают, что институт реабилитации состоит из двух составляющих: материальной и процессуальной.

Первая – это право человека на признание и устранение государством последствий нарушения его правового статуса незаконными действиями и решениями органов власти.

Вторая – процессуальная – представляет собой порядок признания и устранения государством последствий указанных действий.

Обе составляющие заключаются в едином конституционно-правовом принципе ответственности государства перед гражданином.

Государство берет на себя обязательства по признанию права на реабилитацию, восстановлению права личности и возмещению ущерба, что обусловлено его конституционной обязанностью обеспечить охрану и защиту прав и свобод граждан, в том числе посредством правосудия [1].

По мнению отечественных правоведов, материальная составляющая реабилитации не может быть классифицирована, поскольку право на реабилитацию едино, неделимо, и в какой бы отрасли материального права она ни находила свое место, заложенная в нее правовая норма остается неизменной [12].

А.Д. Гуляков, А.А. Яшина выделяют следующие признаки правовой реабилитации: реабилитация базируется на конституционно-правовом принципе ответственности государства за незаконные действия (бездействие) органов и должностных лиц; реабилитация – это восстановление социального, правового, имущественного и морального статуса личности; реабилитация возникает в связи с публичным признанием государством нарушения правового статуса личности незаконными или необоснованными действиями органов публичной власти, в том числе в результате уголовного или административного преследования; реабилитация обеспечивается государством; реабилитация является гарантией защиты личных, политических, социально-экономических и культурных прав и свобод человека и гражданина [1].

Сравнительный анализ показывает, что в целом понятие «реабилитация» по своему содержанию шире, чем понятие «возмещение вреда».

Как полагают Г.З. Климова и И.Н. Сенякин, «содержательная часть реабилитации складывается из совокупности действий, направленных на восстановление невиновного гражданина в нарушенных правах и возмещение причиненного вреда» [13].

Институт реабилитации и возмещения вреда – явления близкие, но похожесть не исключает их самостоятельность и целевую оригинальность.

Стоит заметить, что ранее уже предпринимались некоторые попытки проанализировать вопрос о правовой ответственности государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

По мнению С.С. Купреева, указанный вопрос урегулирован российским законодательством неоднозначно [14]. Подобного мнения придерживается А.И. Микулин и отмечает, что гарантии защиты прав и законных интересов лиц в производстве по делам об административных правонарушениях требуют дальнейшего совершенствования [15].

Порядок и особенности соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан в процес-

се осуществления мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях правоприменительными органами были исследованы Н.Н. Знаменщиковой [16].

Помимо этого, данный ученый предложил механизм обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц, участвующих в административных производствах.

Под механизмом обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов производства по делам об административных правонарушениях Н.Н. Знаменщикова предлагает понимать совокупность правовых методов, средств и способов, санкционированных национальным законодательством, находящихся в полном соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, используемыми для реализации, охраны и защиты лиц, участвующих в различных видах и стадиях административных производств. Из представленного понятия механизма усматриваются следующие его элементы, составные части, а именно:

– правовые методы, средства и способы, используемые для обеспечения реализации, соблюдения, охраны и защиты законных прав, свобод и интересов граждан и организаций – субъектов административных правоотношений;

– законодательная база, регламентирующая применение правовых методов, средств и способов обеспечения реализации, соблюдения, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов производства по делам об административных правонарушениях;

– субъекты производства по делам об административных правонарушениях, в число которых входят правоохранительные органы (ст. 22.1 КоАП РФ), участники производства (ст. 25.1 – 25.11 КоАП РФ), юридические лица (ст. 23.9 – 23.63 КоАП РФ) и должностные лица правоохранительных органов и органов, организаций исполнительной власти;

– юридические факты, являющиеся основанием применения соответствующих методов, средств и способов воздействия в целях достижения реальных результатов;

– правоотношение, возникающее в процессе обращения к правовым методам, средствам и способам;

– функции, предназначение механизма, заключающиеся в регламентации взаимоотношений между субъектами производства, их воспитании, предупреждении, охране, защите от нарушений и применении принуждения к виновным в совершении административных правонарушений, т.е. у механизма усматривается четыре функции: регулятивная, воспитательная, предупредительная, охранно-карательная [17].

По мнению Н.Н. Знаменщиковой, материальным источником полномочий правоприменительных органов по обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан в случае использования в отношении их указанных выше обеспечительных мер, является Конституция РФ. Статьи 2, 6, 8, 15, 17–19, 21–22, 24–25, 27, 31, 33–35, 45–56 Конституции РФ определяют содержание материальной основы обеспечения конституционных прав и свобод граждан как в процессе осуществления производства по делам об административных правонарушениях в целом, так и при обращении к обеспечительным мерам. Иными словами, Конституция РФ обязывает привести административное законодательство страны в полное соответствие с ее нормами, и не только с теми, которые представлены выше [16].

Ю.П. Гапон считает, что на соблюдение прав и свобод человека и гражданина при применении правоприменительными органами мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях влияют как объективные, так и субъективные факторы [18].

К объективным факторам можно отнести следующее. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях регламентированы административным законодательством Российской Федерации (их исчерпывающий перечень закреплен в главе 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). При этом в настоящее время не существует единого нормативного акта, который бы конкретизировал и детализировал порядок и процедуру осуществления мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях должностными лицами государственных органов. Это, в свою очередь, приводит к тому, что должностные лица, уполномоченные осуществлять те или иные меры обеспечения, руководствуются каждый своим ведомственным нормативным актом, если такой имеет место быть. В связи с чем может возникнуть ситуация, когда одна и та же мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях правоприменительными органами применяется по-разному. В таких условиях возникает предпосылка нарушения прав и свобод лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях. Ведь зачастую, исполняя предписания, должностные лица придают второстепенное значение обеспечению прав и законных интересов граждан.

Еще одним фактором, влияющим на соблюдение прав и свобод человека, является ситуация, описанная А.И. Микулиным. Когда при

первом применении мер обеспечения производства по делу составление протокола откладывается до момента окончания соответствующих процессуальных действий или осуществляется в процессе их применения, обеспечительные меры фактически применяются к лицу, не имеющему определенного административно-правового статуса в административно-юрисдикционном процессе, поскольку Кодекс четко связывает момент возбуждения дела с составлением определенного документа. При таких обстоятельствах лицо, не вовлеченное в административно-юрисдикционный процесс в установленном законом порядке, не имеет процессуальных прав, что делает крайне затруднительным реализацию им права на защиту [15].

Правоприменительная практика показывает, что подобные ситуации возникают довольно часто, в связи с чем существует явная необходимость нормативного урегулирования указанной проблемы.

К субъективным факторам относятся как элемент усмотрения должностного лица, уполномоченного применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, так и уровень правовой культуры, профессионализма и компетентности сотрудников правоприменительных органов.

А.М. Барышев подчеркивает необходимость соблюдения основных принципов как гражданской, так и правоохранительной государственной службы, а именно: уважение прав граждан как смысл своей деятельности; исполнение полномочий, согласуемых с необходимостью поддержания авторитета государства; повседневное повышение профессионализма и компетентности – важных составляющих авторитета служащих органов, их должностных лиц, осуществляющих обеспечение производства по делам об административных правонарушениях.

Целесообразность соблюдения и применения подобных принципов не вызывает сомнения, ведь, осуществляя производство по делам об административных правонарушениях или применяя отдельные меры обеспечения к гражданам и юридическим лицам, должностные лица представляют интересы государства [19].

Исследуя субъективные факторы, нельзя оставить без внимания вопрос об усмотрении должностного лица. Определимся, что такое административное усмотрение. Т.Г. Слюсаревой оно рассматривается как определенная нормативными правовыми актами свобода выбора варианта поведения полномочного субъекта (государственного служащего) на основе его мыслительной деятельности с учетом реализации им публичного интереса с целью принять

оптимальное управленческое решение, совершить действие или воздержаться от его совершения (бездействие) для целесообразной реализации своих полномочий. Нельзя не согласиться с Т.Г. Слюсаревой, которая отмечает, что «усмотрение – это определенная степень свободы, имеющая очень тонкую грань с произволом». Она же подчеркивает, что чрезмерное, с размытыми границами усмотрение является свидетельством неэффективной работы законодательной власти, несоответствия буквы закона потребностям общества, необходимости соблюдения и защиты прав граждан и организаций и непосредственно отражается на уровне коррумпированности чиновников [20].

В.Р. Кисин также считает, что правовая неопределенность содержания (сущности) мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях нарушает принцип юридического равенства. Применение одних и тех же мер принуждения по аналогичным основаниям и для достижения идентичных целей порождает отличающиеся по характеру и интенсивности лишения и правоограничения лиц, им подвергнутых. Эти различия обусловлены усмотрением должностных лиц, по-разному понимающих и применяющих страдающие неопределенностью правовые нормы, регламентирующие те или иные меры административно-процессуального принуждения.

Правовая неопределенность свойственна не только нормативному определению содержания (сущности) отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, но и регламентации оснований их применения. Статья 1.6 КоАП РФ провозглашает, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе, как на основаниях, установленных законом. Однако в статьях, регламентирующих проведение осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (ст. 27.8) и осуществление досмотра транспортных средств (ст. 27.9), законодатель вовсе не указывает оснований применения этих мер, а применительно к административному задержанию (ст. 27.3), личному досмотру и досмотру вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7), в качестве таковых называет соответственно исключительные случаи и случаи необходимости. Очевидно, что такого рода правовые предписания открывают неоправданно широкий простор правоприменителю для произвольного усмотрения возможности и необхо-

димости применения административно-процессуального принуждения [21].

В.И. Мельникова отмечает, что, поскольку применение мер производства – действие принудительного характера по отношению к гражданину или юридическому лицу, их применение по своей сути является законодательно обеспеченным ограничением прав граждан и юридических лиц, поэтому элемент усмотрения, заложенный законодателем в процесс их применения, должен быть минимальным или отсутствовать в целом [22].

Таким образом, применение большинства данных обеспечительных мер непосредственно затрагивает важнейшие конституционные права и свободы человека и гражданина, например право на свободу и личную неприкосновенность. В связи с чем предлагается настолько скоординировать работу уполномоченных должностных лиц и устранить существующие законодательные пробелы, чтобы стало возможно минимизировать негативные проявления административного усмотрения при применении мер обеспечения [14].

В качестве возможного выхода Н.Н. Знаменщикова предлагает осуществить постепенный переход от административного усмотрения к применению законопредписаний в процессе регламентации порядка обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов административного производства посредством ведомственных актов. Таковыми являются: уставы, которые действуют в целом ряде правоохранительных органов, например во внутренних войсках МВД России, в Федеральной пограничной службе.

Кроме того, ученый считает, что одной из проблем в применении обеспечивающих мер, используемых для осуществления производства по делам об административных правонарушениях, является определение оптимального соотношения предписаний КоАП РФ и ведомственных нормативных правовых актов [16].

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях осуществляются очень широким кругом должностных лиц многочисленных государственных органов. Многие из них не имеют достаточной юридической подготовки, которая позволила бы адекватно воспринимать и применять страдающие отмеченными недостатками правовые нормы, регулирующие указанные меры принуждения. Видимо, не случайно большинство жалоб на нарушения прав граждан при производстве по делам об административных правонарушениях, которые поступили к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации в 2015 и 2016 г., связаны именно с применением

мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [23].

По мнению Н.Н. Знаменщиковой, исходной позицией для учета соотношения требований КоАП РФ и иных федеральных законов должен стать механизм обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. Имеется в виду прежде всего закрепление в каждом федеральном законе задач и функций соответствующих уполномоченных на такие действия органов, с тем чтобы были надлежащим образом обеспечены права и свободы всех участвующих в административном производстве, поскольку каждый из них является юридической базой, основой, определяющей компетенцию правоприменительных органов в указанной сфере, либо объем прав, свобод и законных интересов иных субъектов производства по делам об административных правонарушениях [16].

П.В. Мешков считает вполне обоснованным дополнить КоАП РФ положениями, уточняющими порядок, последовательность и пределы применения соответствующих мер обеспечения, что позволило бы свести к минимуму случаи необоснованного ограничения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций [24].

Для иллюстрации выше приведенных теоретических доводов, анализа применения в административном производстве положений Конституции РФ и международных правовых актов, содержащих нормы института реабилитации, предлагаю проанализировать доступную правоприменительную практику.

Это, прежде всего, Постановление Конституционного суда РФ от 16.06.2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» [8]. Озвученные в нем выводы создают предпосылки для установления в российском законодательстве механизмов реабилитации и ее материально-правовой основы применительно к производству по делам об административных правонарушениях. Автор считает необходимым подробно рассмотреть данное Постановление Конституционного суда, учитывая сложившуюся традицию, когда правовые выводы судов, укореняясь, находят впоследствии отражение в кодифицированных нормах.

В п. 2 Постановления Конституционного суда РФ от 16.06.2009 г. № 9-П [8] указывается на

то, что, «осуществляя правовое регулирование в сфере административной ответственности, в том числе определяя составы административных правонарушений, виды административных наказаний, а также меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, федеральный законодатель – в силу статей 17 (часть 3), 55 (часть 3) и 71 (пункт «в») Конституции РФ [3] – обязан исходить из недопустимости отмены или умаления прав и свобод человека и гражданина, как они признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, и из возможности их ограничения федеральным законом только соразмерно конституционно значимым целям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Признавая необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в сфере правоотношений, связанных с публичной, в том числе административной, ответственностью, Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из Конституции Российской Федерации, ее статей 17, 19, 46 и 55 и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности, в том числе посредством справедливого правосудия (Постановления от 12 мая 1998 года № 14-П [25], от 11 мая 2005 года № 5-П [26] и от 27 мая 2008 г. № 8-П [27]).»

Хочу обратить внимание на Определение Калужского областного суда от 27.04.2015 по делу № 33-943/2015. Фабула дела такова, что 11 ноября 2014 года О. обратился в суд с иском к УМВД России по г. Калуге, указав, что 4 февраля 2014 года он, управляя транспортным средством, был остановлен инспектором ОБ ДПС ГИБДД УМВД по г. Калуге. При предъявлении документов и их проверке по базе данных ГИБДД, было установлено, что О. числится как лишенный права управления транспортными средствами и, несмотря на отрицание указанного, был сопровожден в УМВД России по г. Калуге, где в 18 часов 45 минут был составлен протокол об административном правонарушении. Он был помещен в комнату административно-задержанных, где находился с 20 часов 4 февраля 2014 года до 17 часов 20 минут 5 февраля 2014 года. Постановлением от 5 февраля 2014 года производство по администра-

тивному делу в отношении него прекращено за отсутствием состава административного правонарушения. Учитывая изложенное, просил признать незаконным задержание и содержание его в КАЗ УМВД России по г. Калуге и взыскать компенсацию морального вреда в размере 50 000 руб. Также просил обязать ответчика официально в письменном виде выразить извинения по поводу незаконного задержания.

Судом апелляционной инстанции установлено, что постановление о лишении О. права управления транспортными средствами вступило в законную силу 7 февраля 2014 года, то есть на момент задержания О. – 4 февраля 2014 года он юридически не являлся лицом, лишенным данного права, наличие в базе данных такой информации являлось технической ошибкой. Таким образом, задержание О. имело место в связи с наличием ошибки, содержащейся в информационной базе, что и явилось основанием для прекращения производства по делу. С Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации в пользу О. взыскана компенсация морального вреда в размере 10 000 руб. В иске О. к УМВД России по г. Калуге о компенсации морального вреда и принесении письменных извинений отказано.

В данном деле смущает даже не то, что испрашиваемый размер морального вреда без какой-либо внятной аргументации уменьшен в 5 раз (для отечественного правосудия обычная для взыскания сумма морального вреда 1000 рублей). Пятно на правосудии из-за того, что отказано в принесении извинений. С точки зрения имеющихся норм права все законно, ГК РФ и КоАП РФ не содержат нормы права, которую можно было бы применить в данном случае. Но учитывая менталитет российских граждан, извинения в данном случае важнее денег. А следовательно, имеющихся в ГК РФ и КоАП РФ норм недостаточно.

В п. 5 Постановления Конституционного суда РФ от 16.06.2009 г. № 9-П [8] содержится важный для правоприменения вывод о том, что понятие «законное задержание», употребленное в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции [4], как и понятие «задержание, произведенное в установленном законом порядке» включают обязанность осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях органов государственной власти и их должностных лиц соблюдать нормы материального и процессуального законодательства. В контексте содержащихся в данной норме предписаний это означает, что задержанный имеет право на проверку соблюдения органом государственной власти или его должностным лицом законода-

тельных положений, необходимых для признания примененной к нему принудительной меры законной в указанном смысле, а суд, в свою очередь, должен проверить как соблюдение процессуальных норм, на основе которых производится задержание, так и обоснованность этой меры с точки зрения целей, а также исходя из того, была ли она необходимой и разумной в конкретных обстоятельствах, послуживших основанием для ее применения. При этом должностное лицо, производящее административное задержание, должно располагать такими фактами и сведениями, которые достаточны для объективно обоснованного подозрения в том, что задерживаемый мог совершить соответствующее правонарушение. Задержание во всяком случае не может быть признано обоснованным, если действия, вменяемые задержанному, в момент их совершения не могли расцениваться как правонарушение.

Из названных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в их системной связи следует, что административное задержание лица, в отношении которого ведется административное преследование, на срок до 48 часов представляет собой по сути лишение свободы, хотя и носящее кратковременный характер. Требования к законности этой меры – исходя из смысла статей 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод – не могут сводиться к соблюдению одних лишь формальных условий, предполагающих ее применение должностными лицами в рамках закона, в законных целях и в соответствии с задачами законодательства об административных правонарушениях.

Административное задержание, предусмотренное частью 3 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, может считаться законным лишь в том случае, если оно осуществляется в целях, определяемых предписаниями Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, необходимо для их достижения и является соразмерным. Следовательно, такое административное задержание не может быть признано законным, если оно применялось должностным лицом хотя и в рамках установленных законом полномочий, но с нарушением указанных целей и критериев, при отсутствии достаточных оснований, произвольно или, тем более, сопровождалось злоупотреблением властью.

Яркой иллюстрацией применения указанного выше правового вывода является Кассационное определение Верховного суда Республики Татарстан от 19.01.2012 г. по делу № 33-110/2012.

Иск о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного применения мер административного принуждения, правомерно удовлетворен в части суммы, поскольку административное задержание в отношении истца применено должностными лицами правоохранительного органа в отсутствие составообразующего признака, позволяющего квалифицировать его деяние как административное правонарушение. Своеобразной «ложкой дегтя» явилось то, что «при этом Судебная коллегия, исходя из принципов справедливости и разумности, с учетом фактических обстоятельств дела, в том числе обстоятельств и продолжительности задержания истицы и ее личности, полагает компенсацию морального вреда, определенную судом первой инстанции в размере 1000 рублей, соответствующей требованиям статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В Постановлении Конституционного суда РФ от 16.06.2009 г. № 9-П [8] содержится еще один важный для правоприменения вывод о том, что «предусмотренное частью 3 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации административное задержание на срок не более 48 часов, которое применяется только по делам о правонарушениях, за совершение которых в виде наказания может быть назначен административный арест (на срок до 15 или до 30 суток), не будучи арестом как мерой административного наказания, тем не менее, представляет собой лишение свободы в смысле статьи 22 Конституции Российской Федерации и подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: положение лица, к которому применяется такое административное задержание в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, связано с принудительным пребыванием в ограниченном пространстве, временной изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных обязанностей, с невозможностью свободного передвижения и общения с другими лицами. При выявлении конституционно-правового смысла административного задержания как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, при котором – в целях реализации конституционных прав граждан – необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное преследование за совершение административного правонарушения.

Таким образом, административное задержание, предусмотренное частью 3 статьи 27.5 КоАП Российской Федерации, по обуславливающим его природе ограничениям и последствиям

для задержанного сопоставимо с административным арестом и задержанием как видами лишения свободы, на которые распространяется режим гарантий, предусмотренный статьей 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и не обладает такими существенными характеристиками, которые могли бы оправдать – при выявлении незаконности этих мер – применение различающихся компенсаторных механизмов. То обстоятельство, что административный арест как мера наказания применяется лишь в рамках судебной процедуры, обеспечивающей дополнительные возможности судебной проверки его фактических оснований и вынесения справедливого решения с соблюдением конституционных принципов правосудия, также свидетельствует о полной неоправданности исключения не имеющего таких судебных гарантий незаконного административного задержания на срок не более 48 часов из числа деяний публичной власти, относительно которых должны действовать правила возмещения вреда в порядке статей 1070 и 1100 ГК Российской Федерации».

Позиция о том, что на основании правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П, компетентные лица при принятии решений должны учитывать, что п. 1 ст. 1070 и абз. 3 ст. 1100 ГК РФ во взаимосвязи с ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ не исключают возможности возмещения гражданам вреда, причиненного незаконным административным задержанием на срок не более 48 часов как мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении, влекущим в качестве одной из мер административного наказания административный арест, независимо от вины соответствующих органов публичной власти и их должностных лиц, поддержана многими российскими правоведами [28].

Применение данного вывода Конституционного суда продемонстрировано в Апелляционном определении Верховного суда Республики Татарстан от 07.05.2015 по делу № 33-6613/2015. Требование: о компенсации морального вреда и взыскании убытков. Обстоятельства: при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности гражданином понесены расходы на оказание юридической помощи, кроме того, незаконными действиями сотрудника органов внутренних дел гражданину причинен моральный вред. Решение: требование удовлетворено, поскольку производство по делу об административном правонарушении прекращено за отсутствием в действиях гражданина состава административного

правонарушения. В данном деле примечателен следующий довод суда: «Довод апелляционной жалобы об отсутствии одного из условий для возмещения ущерба истце за счет средств казны Российской Федерации – доказательств незаконности действий сотрудника УМВД России по г. Казани, составившего протокол по делу об административном правонарушении, несостоятелен и на правильность принятого судом решения не влияет, поскольку по смыслу статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации сам факт прекращения административного дела в отношении лица по реабилитирующим основаниям свидетельствует о незаконности возбуждения административного производства, в том числе применения меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде задержания транспортного средства».

И в заключение изучения Постановления Конституционного суда РФ от 16.06.2009 г. № 9-П [8] хочу обратить внимание на важный для правоприменения вывод о том, что «отказ от административного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности не может препятствовать реализации права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц, совершенными при производстве по делу об административном правонарушении. Прекращение дела не является преградой для установления в других процедурах виновности лица в качестве основания для его привлечения к гражданской ответственности или его невиновности, ни незаконности имевшего место в отношении лица административного преследования в случае причинения ему вреда: споры о возмещении причиненного административным преследованием имущественного ущерба и о компенсации морального вреда или, напротив, о взыскании имущественного и морального вреда в пользу потерпевшего от административного правонарушения разрешаются судом в порядке гражданского судопроизводства (статья 4.7 КоАП РФ).

Лицо, привлекавшееся к административной ответственности, участвует в таком споре не как субъект публичного, а как субъект частного права и может доказывать в процедуре гражданского судопроизводства и свою невиновность, и причиненный ему ущерб. Таким образом, предъявление лицом соответствующих требований не в порядке административного судопроизводства, а в другой судебной процедуре может привести к признанию незаконными действий осуществлявших административное преследование органов, включая применение ими мер обеспечения производства по

делу об административном правонарушении, и к вынесению решения о возмещении причиненного вреда.

В любом случае прекращение производства по делу об административном правонарушении за истечением сроков давности привлечения к административной ответственности не может препятствовать использованию материалов данного дела в качестве доказательств в другом производстве».

Ценность данной правовой позиции в том, что изначальное отсутствие реабилитирующих оснований прекращения производства по делу об административном правонарушении не может препятствовать реализации права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц. Конституционный суд предлагает разрешать споры о возмещении причиненного административным преследованием имущественного ущерба и компенсации морального вреда по правилам ст. 4.7 КоАП, т.е. приравнивает взыскание данного ущерба к взысканию имущественного и морального вреда в пользу потерпевшего от административного правонарушения, и разрешаются судом в порядке гражданского судопроизводства.

Яркой иллюстрацией является Кассационное определение Саратовского областного суда от 29.11.2011 г. по делу № 33-6355. В данном деле иск о взыскании убытков, взыскании компенсации морального вреда удовлетворен в части суммы правомерно, поскольку производство по делу об административном правонарушении прекращено по причине истечения сроков давности; в связи с защитой своих интересов истец понес расходы на оплату труда представителя, ему причинен вред в виде этих расходов, и они подлежат взысканию.

В данном деле правоприменительная практика обогатилась следующим выводом: «Согласно ч. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу».

Между тем, согласно Постановлению Конституционного суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П [29] ч. 2 ст. 1070 ГК РФ по вопросам компенсации ущерба, причиненного в результате нарушения права каждого на справедливое судебное разбирательство, необходимо применять с учетом положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Из этих положений следует, что за ошибку суда, повлекшую вынесение приговора, государство несет ответственность и обеспечивает компенсацию незаконно осужденному независимо от вины судьи. Вместе с тем Конвенция не обязывает государство возмещать на таких же

условиях (то есть за любую судебную ошибку, независимо от вины судьи) ущерб, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства.

Исходя из положений вышеприведенных норм права и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также имеющих в деле доказательств, судебная коллегия соглашается с выводом суда первой инстанции, что материальный ущерб, причиненный Ф. в связи с незаконным привлечением его к административной ответственности подлежит возмещению за счет средств казны Российской Федерации, поскольку истец был привлечен к административной ответственности по причине допущенной ошибки при осуществлении правосудия.

Таким образом, гражданским законодательством установлены дополнительные гарантии для защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти, направленные на реализацию положений ст. 52, 53 Конституции РФ [3], согласно которым каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в том числе злоупотреблением властью.

Однако есть и негативные тенденции развития правоприменительной судебной практики, которые автор связывает именно с отсутствием законодательного закрепления рассмотренных ранее составляющих института реабилитации в КоАП РФ.

Яркой иллюстрацией является Решение Пермского краевого суда от 11.05.2017 г. по делу № 7-714/2017(12-268/2017).

Суды в качестве причин отказа в удовлетворении требований сослались на то, что заявленные в жалобе требования о признании права на реабилитацию в связи с незаконным задержанием и административным арестом возникают в связи с необоснованным уголовным преследованием и не регламентируются нормами КоАП РФ, в связи с чем не подлежат обсуждению.

Еще более нелепо выглядит аналогичный довод в Постановлении Костромского областного суда от 14.03.2017 г. № 4а-50/17.

Фабула дела такова, что постановлением мирового судьи судебного участка № 43 Островского судебного района Костромской области от 6 октября 2016 г. производство по делу об административном правонарушении в отношении Б. по ст. 20.21 КоАП РФ прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Решением судьи Островского районного суда Костромской области от 3 ноября 2016 года

постановление от 6 октября 2016 г. отменено, дело возвращено на новое рассмотрение тому же мировому судье.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 43 Островского судебного района Костромской области от 30 ноября 2016 г., оставленным без изменения решением судьи Островского районного суда Костромской области от 9 января 2017 г., производство по делу об административном правонарушении в отношении Б. по ст. 20.21 КоАП РФ прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

В настоящей жалобе Б. просит признать действия участкового МО МВД России «Островский» ФИО1 по составлению протокола об административном правонарушении от 4 августа 2016 г. и водворению его в камеру административно-задержанных незаконными. Кроме того, просит признать за ним право на реабилитацию.

При этом Костромской областной суд пришел к выводу, что «исходя из положений ст. 4.5 и п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, по истечении установленных сроков давности привлечения к административной ответственности вопрос об административной ответственности лица, производство по делу в отношении которого прекращено, обсуждаться не может.

Право на реабилитацию, которое просит признать за собой Б., возникает в связи с необоснованным уголовным преследованием и не регламентируется нормами КоАП РФ, в связи с чем не подлежит обсуждению».

Как и в рассмотренном ранее Определении Саратовского областного суда от 29.11.2011 г. по делу № 33-6355, данное дело было прекращено по истечении установленных сроков давности привлечения к административной ответственности. Сомнительно, что судьи Пермской и Костромской области не знакомы с Постановлениями Конституционного суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П и от 16.06.2009 г. № 9-П. Разница в том, что в просительной части заявлений было требование признать за заявителями право на реабилитацию, а не требование о взыскании оплаты услуг представителя, убытка или морального вреда. Отсутствие закрепленного в КоАП определения реабилитации (как это сделано в ст. 133 УПК РФ) сделало в данном случае невозможным восстановление нарушенных конституционных прав граждан, незаконно лишенных свободы.

Вызывают также недоумение выводы, изложенные в Апелляционном определении Московского областного суда от 12.05.2014 г. по делу № 33-7212. Суд хоть и взыскал с Министерства внутренних дел Российской Федерации за счет

средств казны Российской Федерации в пользу задержанного на срок до 48 часов Д.В.В. возмещение материального вреда в сумме 15 000 руб., судебных расходов – 15 800 руб., но продемонстрировал, что одной правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного суда от 16.06.2009 г. № 9-П, также недостаточно для контроля за соблюдением прав граждан. Суд пришел к выводу, что по смыслу статей 17 (часть 3), 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, административное задержание на срок до 48 часов – с учетом его юридической природы как формы ограничения конституционного права на свободу – может быть признано законным и в случае последующего прекращения производства по делу об административном правонарушении, в том числе по таким основаниям, как отсутствие события административного правонарушения или отсутствие состава административного правонарушения (пункты 1 и 2 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации), если должностное лицо или орган публичной власти действовали в условиях, когда были достаточные основания полагать, что применение данной принудительной меры необходимо.

Данные выводы судов появляются даже несмотря на то, что в п. 5 Постановления Конституционного суда РФ от 16.06.2009 г. № 9-П (приведенном выше) [8] высказаны доводы о том, когда допускаются достаточные основания полагать, что применение принудительной меры в виде административного задержания необходимо. Тот факт, что впоследствии дело прекращается по таким основаниям, как отсутствие события административного правонарушения или отсутствие состава административного правонарушения, говорит о том, что данное должностное лицо, производящее административное задержание, не располагало такими фактами и сведениями, которые достаточны для объективно обоснованного подозрения в том, что задерживаемый мог совершить соответствующее правонарушение, и действия, вменяемые задержанному, в момент их совершения не могли расцениваться как правонарушение.

В соответствии с позицией Европейского суда по правам человека, любое лишение свободы (включая задержание) должно не только осуществляться в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но и отвечать предписаниям ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [4], исчерпывающим образом определяющей обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях [30].

В настоящее время оценочный термин «имеются достаточные основания полагать» оправдывает в глазах судов любые злоупотребления со стороны государственных и муниципальных служащих, подрывая веру граждан в такие основополагающие принципы функционирования государственной власти, как справедливость и законность. Это также говорит о необходимости законодательного закрепления института реабилитации.

Идея общей оценки компенсации материального ущерба в публично-правовых отношениях принимается (и развивается в правоприменительной практике) нашими европейскими коллегами. В Постановлении от 19.06.2014 г. по делу «ООО “Уния” и “Белкорт трейдинг компани” (Uniya ООО and Belcourt Trading Company) против Российской Федерации» (жалобы № 4437/03 и 13290/03) ЕСПЧ указал, что, если с учетом множества значимых факторов сумма материального ущерба, причиненного второй компании-заявительнице, не поддается точному исчислению, вместо этого Европейскому суду следует произвести общую оценку компенсации материального ущерба (справедливая компенсация).

Такой же порядок определения компенсации суд использовал в деле «Негрепонтис-Яннисис против Греции» (Постановление Европейского суда по делу «Негрепонтис-Яннисис против Греции» (Negrepontis-Giannisis v. Greece) от 05.12.2013 г., жалоба № 56759/08, § 27) [31].

Для исключения порочной правоприменительной практики хочется присоединиться к предложенным А.Д. Гуляковым, А.А. Яшиной направлениям по совершенствованию законодательства о реабилитации в России:

- провозглашение права на реабилитацию в Конституции Российской Федерации;
- закрепление права на реабилитацию в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации;
- принятие Федерального закона «О реабилитации лиц в связи с незаконными либо необоснованными действиями (бездействием) органов публичной власти в Российской Федерации»;
- организация в России системы административных судов и формирование административного судопроизводства для рассмотрения дел по реабилитации;
- совершенствование законодательства по безусловному исполнению судебных и иных актов в отношении реабилитированных граждан.

Названные предложения направлены на решение главной задачи – повышения эффективности реализации права человека и гражданина на реабилитацию [1].

А.П. Гуляев считает, что в настоящее время происходит недооценка юридической реабилитации как самостоятельной формы восстановления доброго имени, чести и деловой репутации субъекта, оказавшегося жертвой незаконного или необоснованного обвинения в правонарушении (гражданском, уголовном, административном). Речь идет о такой форме и таком правовом статусе решения, отменяющего незаконное или необоснованное обвинительное решение, которые бы четко, однозначно и самостоятельно выражали реабилитирующий характер такого решения, восстановление им доброго имени, достоинства и деловой репутации лица, незаконно или необоснованно обвиненного в совершении правонарушения. К сожалению, Гражданский, Гражданский процессуальный, Арбитражный процессуальный кодексы и Кодекс об административных правонарушениях не уделяют этому вопросу никакого внимания. Они ограничились регулированием главным образом материальной и моральной стороны вопроса, которая, по сути, является производной от решения основного, юридического, вопроса о невиновности лица в совершении правонарушения [10].

Высоко оценивая труды ученых, работающих в данном направлении, тем не менее, необходимо признать, что проблема соблюдения прав и свобод человека и гражданина при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях исследована недостаточно и остается еще целый ряд вопросов, требующих своего урегулирования.

Анализ научных взглядов и практики правоприменения говорит о том, что механизм организации и осуществления правоприменительными органами обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов производства по делам об административных правонарушениях находится в стадии становления, ибо, к сожалению, его воспринимают пока как определенную совокупность прав, обязанностей и ответственности участвующих в нем физических и юридических лиц, не особо задумываясь над тем, что в правовом демократическом государстве необходимо прежде всего заботиться о соблюдении конституционно-правового статуса лица, что требует развития института административно-правовой реабилитации.

Список литературы

1. Гуляков А.Д., Яшина А.А. Конституционно-правовые основы реабилитации человека и гражданина // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 31.
2. Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/>.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.
5. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право. Сборник документов. 1996. С. 460–464.
6. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.
7. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 37. Ст. 3710.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3382.
9. Бойцова Л.В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. С. 15.
10. Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 46–48.
11. Андреева И.А. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 26–27.
12. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / Под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. С. 20.
13. Климова Г.З., Сенякин И.Н. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005. С. 198.
14. Купреев С.С. Правовая ответственность государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 70–75.
15. Микулин А.И. Право на защиту в производстве по делам об административных правонарушениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
16. Знаменщикова Н.Н. Порядок и особенности соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан в процессе осуществления мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Адвокатская практика. 2008. № 6. С. 10–14.
17. Знаменщикова Н.Н., Румянцева В.Г. Понятие и сущность механизма обеспечения прав и свобод субъектов административно-правовых отношений в процессе осуществления производства по делам об административных правонарушениях // История государства и права. 2009. № 1. С. 9–14.
18. Гапон Ю.П. Вопросы соблюдения прав и свобод человека при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 34–37.
19. Барышев А.М. Правовое регулирование производства по делам об административных правонарушениях: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 135 с.
20. Слюсарева Т.Г. Административное усмотрение в деятельности государственных служащих: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
21. Кисин В.Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 29–33.
22. Мельникова В.И. Проблемы реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2005. № 2. С. 15.
23. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2016. 24 марта. № 61; 2017. 17 мая. № 104.
24. Мешков П.В. О проблемах понимания и реализации обеспечительных мер в производстве по делам об административных правонарушениях в России и за рубежом // Юрист. 2018. № 10. С. 64–69.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.05.1998. № 20. Ст. 2173.
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 года № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.05.2005. № 22. Ст. 2194.
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Российская газета. № 123. 07.06.2008.
28. Миряшева Е.В., Павликов С.Г., Сафонов В.Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность: Монография. Российский государственный университет правосудия, 2015.
29. Постановление Конституционного суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.02.2001. № 7. Ст. 700.
30. Постановление Европейского суда по правам человека от 25 мая 1998 г. по делу «Курт (Kurt) против Турции» (п. 122) // Европейский суд по правам человека: Избр. реш.: В 2 т. М., 2000. Т. 2.
31. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8 (08).
32. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

**LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE IN THE APPLICATION OF MEASURES
TO ENSURE THE PROCEEDINGS RELATED TO ADMINISTRATIVE OFFENSES AS PART
OF THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REHABILITATION**

A.V. Palatin

From a theoretical and practical point of view, the issue of observing the rights of individuals and legal entities when applying measures to ensure the proceedings on administrative offenses is investigated. The author provides the rationale for the fact that the institution of administrative and legal rehabilitation consists of a set of actions aimed at restoring the innocent person in the violated rights and compensation for the harm caused.

Keywords: observance of the rights of legal entities and individuals, responsibility of the state, rehabilitation, bringing to administrative responsibility, compensation for harm.

References

1. Gulyakov A.D., Yashina A.A. Konstitucionno-pravovye osnovy rehabilitatsii cheloveka i grazhdanina // Rossijskaya yusticiya. 2013. № 8. S. 31.
2. Konstitucii gosudarstv (stran) mira. URL: <http://worldconstitutions.ru/>.
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. M., 1993.
4. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 4 noyabrya 1950 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998. № 20. St. 2143.
5. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka ot 10 dekabrya 1948 g. // Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Sbornik dokumentov. 1996. S. 460–464.
6. Konvenciya protiv pytok i drugih zhestokih, beschelovechnyh ili unizhayushchih dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya ot 10 dekabrya 1984 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1987. № 45. St. 747.
7. Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda ot 17 iyulya 1998 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2000. № 37. St. 3710.
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 iyunya 2009 g. № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij stajej 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 i 30.7 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah, punkta 1 stat'i 1070 i abzaca tret'ego stat'i 1100 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'i 60 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan M.Yu. Karelina, V.K. Rogozhkina i M.V. Filandrova» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2009. № 27. St. 3382.
9. Bojcov L.V. Reabilitaciya neobosnovanno osuzhdennyh grazhdan: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. L., 1990. S. 15.
10. Gulyaev A.P. Vozmeshchenie vreda: mezhotraslevoj aspekt i aktual'nye problemy // Rossijskaya yusticiya. 2012. № 5. S. 46–48.
11. Andreeva I.A. Vozmeshchenie vreda gosudarstvom kak konstitucionno-pravovoj institut: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. S. 26–27.
12. Rohlin V.I., Zaharcev S.I., Mironov M.A., Stukanov A.P. Institut rehabilitatsii v rossijskom zakonodatel'stve (vozniknovenie, razvitie, ponyatie, perspektivy) / Pod obshch. red. V.I. Rohlina. SPb.: Yuridicheskij centr «Press», 2007. S. 20.
13. Klimova G.Z., Senyakin I.N. Reabilitaciya kak pravovoj institut (voprosy teorii i praktiki). Saratov, 2005. S. 198.
14. Kupreev S.S. Pravovaya otvetstvennost' gosudarstva pri primenenii mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 4. S. 70–75.
15. Mikulin A.I. Pravo na zashchitu v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2009.
16. Znamenshchikova N.N. Poryadok i osobennosti soblyudeniya prav, svobod i zakonnyh interesov grazhdan v processe osushchestvleniya mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Advokatskaya praktika. 2008. № 6. S. 10–14.
17. Znamenshchikova N.N., Rumyancheva V.G. Ponyatie i sushchnost' mekhanizma obespecheniya prav i svobod sub"ektov administrativno-pravovyh otoshenij v processe osushchestvleniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 1. S. 9–14.
18. Gapon Yu.P. Voprosy soblyudeniya prav i svobod cheloveka pri primenenii mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 8. S. 34–37.
19. Baryshev A.M. Pravovoe regulirovanie proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: Dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2011. 135 s.
20. Slyusareva T.G. Administrativnoe usmotrenie v deyatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashchih: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013.
21. Kisin V.R. Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: yuridicheskaya priroda i nedostatki pravovogo regulirovaniya // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 1. S. 29–33.
22. Mel'nikova V.I. Problemy realizatsii mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii. 2005. № 2. S. 15.
23. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii // Rossijskaya gazeta. 2016. 24 marta. № 61; 2017. 17 maya. № 104.
24. Meshkov P.V. O problemah ponimaniya i realizatsii obespechitel'nyh mer v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v Rossii i za rubezhom // Yurist. 2018. № 10. S. 64–69.
25. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 12.05.1998 g. № 14-P // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 18.05.1998. № 20. St. 2173.
26. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11 maya 2005 goda № 5-P // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 30.05.2005. № 22. St. 2194.

27. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27 maya 2008 g. № 8-P // Rossijskaya gazeta. № 123. 07.06.2008.

28. Miryasheva E.V., Pavlikov S.G., Safonov V.E. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v Rossii i zarubezhnyh stranah: istoriya i sovremennost': Monografiya. Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2015.

29. Postanovlenie Konstitucionnogo suda RF ot 25.01.2001 g. № 1-P // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 12.02.2001. № 7. St. 700.

30. Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 25 maya 1998 g. po delu «Kurt (Kurt) protiv Turcii» (p. 122) // Evropejskij sud po pravam cheloveka: Izbr. resh.: V 2 t. M., 2000. T. 2.

31. Precedenty Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2014. № 8 (08).

32. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 g. № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 07.01.2002. № 1 (ch. 1). St. 1.